

Осенняя страда только что завершилась, и сельчане наконец-то могли перевести дух. После того как все налоги на урожай были уплачены, остальное зерно оставалось в закромах их семей.

На деревенской площади сидели кучками женщины и супруги-мужчины. Их руки не прекращали работу, а лица не сходили улыбки, сопровождаемые оживленным разговором.

Юнь Лэ, неся на спине бамбуковую корзину, прошел через площадь, звонко и ласково приветствуя тетюшек и бабушек.

— Сяо-гэр, идешь в горы? — окликнула его вторая тетюшка, которая тоже была там.

— Ага, папа и мама уехали к дедушке с бабушкой, вот и решил сходить в горы, набрать лесных даров. Все равно делать нечего, — ответил Юнь Лэ, озарив её своей сладкой, мягкой улыбкой.

Сунь, глядя на него, кивнула и наказала поскорее возвращаться, не задерживаясь в лесу допоздна. Юнь Лэ послушно пообещал. Он направлялся в рощу каштанов на Передней горе — место было недалеко от деревни, люди там бывали часто, так что никакой опасности не предвиделось.

Сунь проводила Юнь Лэ взглядом, радуясь, что этот Сяо-гэр наконец-то захотел выйти из дома и развеяться. Другие женщины и мужчины на площади тоже вздохнули с облегчением. Юнь Лэ был младшим сыном старосты деревни Шуйсю. Он не только обладал тонкими и яркими чертами лица, но и кожей такой белой и нежной, словно молочное пирожное, которым лакомятся дети.

Когда Юнь Лэ исполнилось четырнадцать, порог их дома едва не стерли сваты. Родители, долго выбирая, решили отдать его за юношу из соседней деревни, который готовился к экзаменам на звание туншэна. У того была лишь мать, соседи отзывались о них как о людях добропорядочных, и семьи уже назначили свадьбу на следующий праздник Дуанью.

Кто бы мог подумать, что этот туншэн за спиной у всех закрутит роман с дочерью градоначальника! Он планировал после успешной сдачи экзаменов взять её в законные жены, а Юнь Лэ сделать лишь вторым супругом.

Старший брат Юнь Лэ, работая в городе, случайно раскрыл этот обман. Отец, Юнь Маошань, собрал три десятка крепких мужчин из деревни, окружил дом того туншэна и лично, во всеуслышание, высказал всё, что думает, потребовав вернуть все дары, присланные на помолвку. Тот туншэн вместе с матерью дрожали в комнате, не решаясь даже показаться на глаза.

Юнь Маошань, ставший отцом Юнь Лэ уже в зрелом возрасте, души не чаял в своем Сяо-гэре, баловал его, исполняя любой каприз. Узнав о таком унижении, он чуть было не отправился прямиком к градоначальнику требовать справедливости. Юнь Лэ пришлось его остановить:

чиновник — человек важный, а Юнь Маошань должен был думать о благополучии всей деревни. Если градоначальник затаит злобу, пострадает вся деревня Шуйсю.

Помолвку расторгли, но, несмотря на авторитет старосты, слухи в деревне было не унять. Опасаясь, что Юнь Лэ услышит что-то обидное, отец продержал его дома полмесяца. И вот сегодня, когда родители уехали, Юнь Лэ, не теряя ни минуты, выскочил из дома с корзиной, чтобы как следует проветриться.

На самом деле, он не сильно горевал из-за расставания. Когда они только познакомились, жених казался ему порядочным, но позже, встретив его в городе, Юнь Лэ увидел, как тот проигнорировал собственную мать, звавшую его со спины. Юнь Лэ сразу понял: человек, который не чтит родную мать, не будет добр и к супругу. К счастью, тот сам нашел себе партию повыше.

После этого случая Юнь Лэ решил, что не хочет связываться с учеными — от них одни неприятности. Станет такой чиновником, и не то что командовать им, самой придется прислуживать. Нет, это не годится.

Юнь Лэ выглядел послушным и мягким, но только родные знали, что он немного капризен. Теперь он решил, что сам выберет себе мужа — кого-нибудь покладистого, работающего и сильного. Вот как сейчас: набрал целую корзину каштанов, а тащить её домой — ох, как тяжело! Вот бы нашелся кто-то, кто помог бы донести.

Время шло. Юнь Лэ, закончив собирать каштаны, вдруг осознал, о чем только что думал, и его щеки залил густой румянец. Он хотел было растереть их ладонями, как вдруг заметил пробегающего мимо дикого кролика.

Внимание мгновенно переключилось. Бросив корзину, он бросился в погоню. Кролик петлял, Юнь Лэ раскраснелся от бега, увлекся и, не глядя под ноги, с размаху угодил в охотничью яму.

На Передней горе крупных зверей почти не осталось, так что яма была пустой, но падение оказалось резким, и Юнь Лэ неудачно подвернул ногу.

— Есть кто-нибудь? Помогите! — Юнь Лэ попытался выбраться, но безуспешно. Пришлось звать на помощь во весь голос.

Пока было светло, он надеялся, что кто-то услышит его, ведь до каштановой рощи было рукой подать. Но шли минуты, в лесу слышалось лишь щебетание птиц, а небо начало темнеть. Юнь Лэ охватил страх, на глаза навернулись слезы, и крики сменились рыданиями:

— У-у-у, папа, мама, я здесь умру! Я хочу домой, есть тут кто-нибудь?!

— Перестань выть, — раздался холодный голос сверху.

Юнь Лэ вздрогнул, поднял заплаканное личико и увидел темный силуэт. Сначала он испугался, решив, что это какой-то дикарь — фигура была мощной, а одежда и волосы — всклокоченными. Но, присмотревшись, он узнал Сян Фэна.

Сян Фэн был отставным солдатом. Он не был родом из деревни Шуйсю, его направили сюда по распоряжению властей. Он купил землю на Задней горе, построил дом и жил особняком, ни с кем не общаясь.

— Снимай верхнюю одежду и бросай мне, — холодно скомандовал Сян Фэн.

Юнь Лэ вытаращил глаза:

— Ты... ты что задумал? Заставляешь меня раздеваться! Да, я подвернул ногу, но...

Сян Фэн перебил его, пояснив, что яма глубокая, веревки нет, и одежду придется связать, чтобы вытянуть его. Одной куртки не хватит, да и прочность ткани сомнительная — если она порвется на полпути, падение будет еще больнее.

Услышав холодное объяснение, Юнь Лэ, подумав, снял свою короткую куртку и бросил её наверх. Когда Сян Фэн вытянул его, он развязал узлы, вернул одежду и собрался уходить.

— Стой! Не уходи! — крикнул Юнь Лэ, пытаясь допрыгать за ним и морщась от боли в ноге. — Помоги мне, я ранен, проводи меня до дома!

Сян Фэн обернулся и увидел Юнь Лэ: тот стоял с вымученной улыбкой, хлопая круглыми глазами, и был похож на того самого кролика, которого он сегодня не смог поймать. Сян Фэн не хотел ввязываться, но Юнь Лэ тут же ткнул его пальцем в дырку на своей куртке:

— Ты порвал мою одежду! Мы в лесу, двое мужчин наедине, ты обязан взять на себя ответственность!

Сян Фэн опешил. Взять ответственность? Разве не он сам умолял его о спасении?

Видя, что тот молчит, Юнь Лэ продолжил:

— Ты видел меня почти раздетым, я же Сяо-гэр, моя репутация погублена, у-у-у!

Он преградил Сян Фэну путь, требуя проводить его до дома. В лесу уже совсем стемнело, самому ему не выбраться, а Сян Фэн выглядел сильным — для него донести человека на спине точно не составит труда.

Сян Фэн был ошеломлен словами Юнь Лэ. Как этот Сяо-гэр вообще до такого додумался? Он же спас его, одежда на месте, а он уже кричит о погубленной чести.

— Я сейчас заплачу! Правда заплачу! Быстрее неси меня, а не то я... я скажу папе, чтобы он выгнал тебя!

Угроза звучала неубедительно. Сян Фэн молча вздохнул, развернулся и присел, позволяя Юнь Лэ забраться к себе на спину. Юнь Лэ с радостью устроился на его широкой спине, совершенно не заботясь о приличиях. Он думал лишь о том, как бы поскорее попасть домой, пока родители не наказали его за долгое отсутствие.

Они прошли часть пути, когда стемнело окончательно. Все сельчане уже разошлись по домам ужинать, и по дороге им никто не встретился. Вдруг Юнь Лэ потребовал повернуть назад — он вспомнил про свою корзину с каштанами и не собирался оставлять её в лесу!

Стоило Сян Фэну выразить недовольство, как Юнь Лэ заныл, что сейчас обрыдает его плечо, а потом еще и нажалуется отцу. Сян Фэн покорно подчинился: с корзиной спереди и Юнь Лэ на спине, он послушно доставил его до края деревни, а потом помог донести вещи до самого порога. На прощание он снова получил угрозу: ни слова никому о том, что сегодня пришлось снимать с Юнь Лэ одежду!

<http://bllate.org/book/21456/2193321>